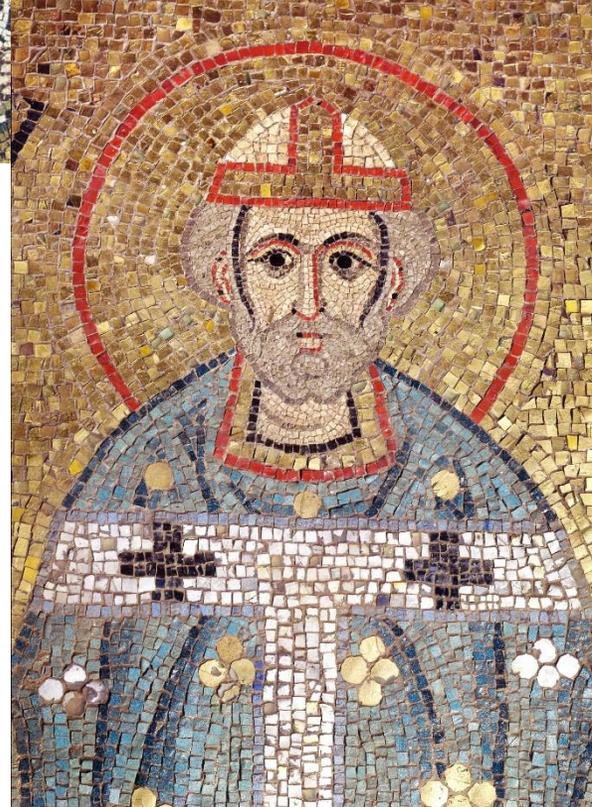

Основные этапы развития

христианского богословия

Александрийская «школа»

- Филон (ок. -25 – ок. 50)
- Пантен (в Ал. 180 – ок. 200)
- Климент (ок. 150 – 215)
- Ориген (185 – 254)
- св. Дионисий (дидаскал и еп. 248 – 265)
- Пиерий (дидаскал)
- св. Петр (дидаскал и еп. ок. 300 – 311)
- св. Афанасий (еп., ок. 295 – 373)
- Дидим (дидаскал, ок. 310 – 393)
- св. Кирилл (376 – 444)

Кредо: «взять по возможности из греческой философии то, что может послужить для христианства как общеобразовательное знание или пропедевтика» (Письмо Оригена Григорию Неокесарийскому)

«... из геометрии и астрономии то, что может быть полезным для истолкования Писаний, чтобы то, что говорится о геометрии, музыке, грамматике, риторике и астрономии, как подготовительных по отношению к философии, так бы и мы сами могли сказать о самой философии в ее отношении к христианству»

Посмертная судьба учения и сочинений 5 Вселенский собор (553)

1) Кто говорит или думаетъ, что души человѣческія предсуществовали, что онѣ были прежде умами и святыми силами, наслаждались полнотою божественнаго созерцанія, а затѣмъ обратились къ худшему и чрезъ это охладѣли (ἀπαψυχείσας) въ любви къ Богу, отчего и называются душами (ψυχάς) и въ наказаніе посланы въ тѣла, тотъ да будетъ анаеема.

2) Кто говоритъ или думаетъ, что душа Господа прежде существовала и соединилась съ Богомъ Словомъ прежде воплощенія и рожденія Его отъ Дѣвы,—да будетъ анаеема.

3) Кто говоритъ или думаетъ, что сначала во чревѣ святой Дѣвы образовалось тѣло Господа нашего Иисуса Христа и затѣмъ съ нимъ соединились Богъ Слово и душа, существовавшая уже прежде,—да будетъ анаеема.

4) Кто говоритъ или думаетъ, что Слово Божіе уподоблялось всѣмъ небеснымъ чинамъ, было для херувимовъ херувимомъ, для серафимовъ серафимомъ, и уподоблялось всѣмъ вообще высшимъ силамъ,—да будетъ анаеема.

5) Кто говоритъ или думаетъ, что тѣла человѣческія въ воскресеніи возстанутъ шарообразными, а не исповѣдуетъ, что мы возстанемъ въ правильномъ видѣ,—да будетъ анаеема.

6) Кто говоритъ, что небо, солнце, луна, звѣзды, воды, которыя выше небесъ, суть существа одушевленные и нѣкоторыя разумно-вещественныя силы,—да будетъ анаеема.

7) Кто говоритъ или думаетъ, что Господь Христосъ распнется въ будущемъ вѣкѣ за демоновъ, какъ и за людей,—да будетъ анаеема.

8) Кто говоритъ или думаетъ, что могущество Бога ограничено, или что Онъ создалъ столько, сколько могъ обнять,—да будетъ анаеема.

9) Кто говоритъ или думаетъ, что наказаніе демоновъ и нечестивыхъ людей временно и что послѣ нѣкотораго времени оно будетъ имѣть конецъ, или что будетъ послѣ возстановленіе демоновъ и нечестивыхъ людей,—да будетъ анаеема.

10) Анаеема и Оригену, прозванному адамантовымъ, изложившему это, вмѣстѣ съ его нечестивымъ, непотребнымъ и преступнымъ ученіемъ, и всякому, кто держится этихъ мыслей, или защищаетъ ихъ, или какимъ-нибудь образомъ когда-либо осмѣлится повторять ихъ.

Так вот, еще безусым я почувствовал
К наукам тягу и на службу истине
Стал призывать ученья чужеродные,
¹¹⁵ Чтоб те, кто научился лишь плетенью фраз
И сотрясенью воздуха бездумному,
Не очень-то гордились. Да и вздору их
Я поддаваться вовсе не намерен был.
И ничего в те времена мне не было
¹²⁰ Милей, чем те уроки драгоценные.

Но больно уж бездумно юность пылая
Порывам отдается беспорядочным:
Как жеребенок, резвости исполненный,
Я полетел в дорогу. Как не вовремя!
¹²⁵ Уже ненастье близилось, да тут еще
Телец, согласно знатокам, хвостом своим
Сулил опасность. Словом, пласть — безумие!
Но я, познавший первый плод учености,
Оставив град Александрию, по морю
¹³⁰ Отправился в Элладу всем ветрам назло.
И вот, минуя Кипра берег, наш корабль
Был ввергнут в буйство волн: все стало — ночь одна,
Земля, вода и небо почерневшее.
Удары грома вспышкам молний вторили,

¹³⁵ Ревели снасти от напора шквального,
Кормило вырвало из рук, и ветер злой
Нас по бурлящим водам гнал безудержно,
Растут как стены волны, мачта рушится,
И жалобные крики тут и там слышны —
¹⁴⁰ Все ко Христу зывали, даже те из нас,
Кто прежде в Боге не искал спасения.
Воистину уроки страха действительны.
Но следом — испытанье пуще прежнего:
Лишились мы запаса питьевой воды:
¹⁴⁵ В морскую бездну влага возделенная
Из треснувших от качки бочек вытекла.
И жажда с бурей спорили, кому из них
Нас умертвить. Однако соизволил Бог
Помочь нам. Так нежданно и негаданно
¹⁵⁰ Купцы там появились финикийские.
Их тот же страх терзал, но тем не менее,
Они, увидев, что мы терпим бедствие,
Баграми (вот уж силой наделил Господь!)
Судов предотвратили столкновение,
¹⁵⁵ И нас спасли, несчастных. Походили мы
На рыб, что бурей на безводье брошены,
Иль на светильник, без елеч гаснущий.
Но после — снова море разъяренное

Носило нас кругами бесконечными;
¹⁶⁰ Уж мы не знали, где мы и куда плывем,
Казалось, даже Богу нас не выручить.

Мы все боялись смерти, но страшней того
Была мне мысль о гибели души моей,
Ведь отделяла эта тьма нещадная
¹⁶⁵ Меня от вод крещения живительных!
О, как я сокрушался из-за этого!
То сетовал, то Бога звал в отчаянье,
Мой голос, полный скорби, заглушал порой
И ветра вой, и моря гул безумолчный.

¹⁷⁰ И что ж? Невероятно. Но ведь было так!
Все, бывшие на корабле, себя забыв,
Молились стали обо мне! Выходит, что
Всех верой одарило горе общее!
Их состраданье облегчило боль мою,

¹⁷⁵ Но и тогда, и ныне Ты лишь, Боже мой,
Штормов зловещих усмиритель подлинный!
И вот, когда надежды снова не было,
Ни маяка, ни островка хоть малого,
Ни звезд небесных — проводниц испытанных,

¹⁸⁰ Мрак да и только, словом, что стал делать я?
Как наше злосудие окончилось?

Оставив все, я на Тебя, мой Бог, взглянул,
Мой ясный свет, мое дыханье, жизнь моя!
Ты, с болью пользу сочетава, врачуешь нас.
¹⁸⁵ Бывает, и страшишь, но ведь и милуешь!
И вот, напомнив о делах, в которых мы
Твою познали руку всемогущую:
О египтянах усмирённых казнями ²,
О море, что разъял Ты пред Израилем ³,
¹⁹⁰ О том, как воздеханьем рук был враг разбит ⁴,
О чудотворном жезле Моисеевом ⁵
И о твердыне, звуком труб разрушенной ⁶,
А к ним прибавив и со мной свершенное,
Я так сказал: «Я ныне, как и прежде твой.
¹⁹⁵ Прими же снова приношенья чад своих,
На суше заветами родительским,
На море страхом смертным освященное.
Спаси меня, и буду для Тебя лишь жить,
²⁰⁰ А нет — лишись верного служителя.
Ужель Тебе нет дела, что я гибну здесь?
Стряхни свой сон! Пусть буря успокоится! ⁷»

Я не успел договорить, как шторм затих,
И наш корабль свой остов крепкий выровнял.
²⁰⁵ Воистину молитва чудеса творит!

Исх. 7-11

Исх. 14, 21-31

Исх. 17, 11-14

Числ. 20, 9-12

Нав. 6

Ср. Мк. 4, 37-41

И все, кто был на корабле, сошли с него,
Христа хваля за дивное спасение,
За избавленье от двойной погибели.
А между тем мы Родос мирный минули
²¹⁰ С попутным ветром и в Эгинский порт зашли —
(Оттуда было судно наше славное).

Потом опять науки, но другие пусть
Расскажут, как в Афинах подвизались мы,
Как предпочли мы важное пустячному.
Средь юной знати, безрассудством движимой,
²¹⁵ Искавшей все, где б лучше поразвлечься им,
Мы жизнь вели спокойную и ясную,
Как тот источник, что среди горьких вод морских
Струится непокорно влагой сладостной.
И мы не просто от соблазнов бегали,
²²⁰ Но и друзей привлечь старались к лучшему.

Изрядным даром наградила Господь тогда,
Связав с мудрейшим человеком жизнь мою.
И делом, и речами всех был выше он.

И кто же это? Думаю, вы поняли —
 125 Василий — века нашего величие!
 Делили мы и кровлю, и стремления,
 И коль могу хвалиться чем, так тем лишь, что
 Союз наш не последним стал для Греции!
 У нас все было общим, ведь бывает так:
 130 Два разных человека, а душа одна!⁸
 Сам Бог союз наш создал, крепко-накрепко
 Соединив нас устремленьем к высшему.
 А мы отважно тайники сердец своих
 Друг другу отворили, и от этого
 135 Окрепло лишь взаимное влечение;
 Единством целей дружба утверждается.

Ср. Аesch. 4, 12.

✠ Ν Π Α Τ Ρ Ι Σ Κ Α Ι Β Ι Ο Υ Τ Υ Π Ο Ι ✠

Что ж далее? — Отечество. Пора пришла,
 Учение оставив, выбрать жизни путь,
 Ведь было мне уж тридцать лет без малого.
 140 Тогда-то в полной мере и увидел я,
 Сколь дороги мы стали для друзей своих!
 Ох, и нелегким было расставание:
 Лобзання, слезы, речи возбужденные,
 Воспоминанья о минувшем долгие;
 145 Василий все им объяснил и вырвался
 Довольно быстро из объятий дружеских,
 А я и ныне вспоминаю с трепетом
 Смущение, что из-за них я пережил.
 Все — чужестранцы, сверстники, наставники
 150 Меня пытались удержать и клятвами,
 И даже силой, вероятно думая,
 Что дружба им особые права дает.
 Они кричали, помню, окружив меня:
 «Афин не умалится слава! Отдано

²⁵⁵ Тебе отныне первенство в риторике.

Чтоб ни случилось, с нами ты останешься!»

Такое даже камень вряд ли выдержит, —

Не смог и я (хоть и отчасти): родина

Меня влекла (а есть ли сила большая?) —

²⁶⁰ Страна, где вера крепче, чем в любой другой,

Где мне казалось счастьем любомудрствовать —

И ожидали старые родители.

Я пробыл там недолго после этого

И отбыл втайне ото всех, кто знал меня.

²⁶⁵ А дома — тут же речь сказать принудили:

Иные в этом некий долг мой видели!

По мне ж, не для того нужна риторика,

Чтоб за витийство шумную хвалу стяжать;

Так средь юнцов софисты услаждаются,

²⁷⁰ Я видел здесь начальный шаг к премудрости:

Все — Богу в дар, и в том числе ораторство,

Как тот, кто пашни отдает под пастбища

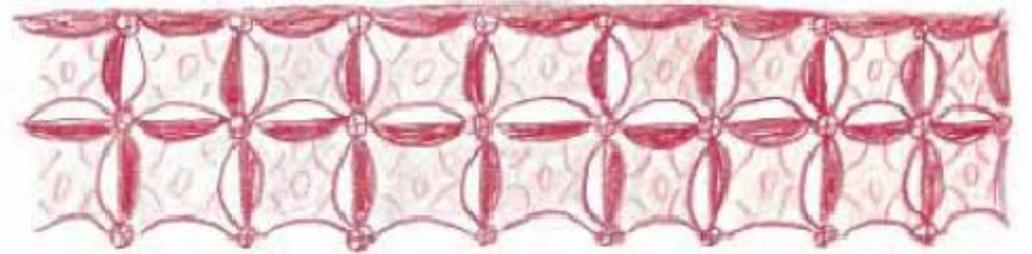
Иль в глубь морскую повергает золото.

Но пред друзьями поплясать мне все ж пришлось.

²⁷⁵ И было это первым упражнением

И к величайшим таинствам предверием.

ΕΔΕΙΛΑΝ ΔΡΗΚΩΝ ΒΟΥΛΕΥΜΑΤΩΝ

Настало время принимать решение,

И я для совещания друзей созвал,

В моих сомнениях искренних помощников.

²⁸⁰ Мой разум в чрезвычайном был смятении,

Ведь выбирал я лучшее из лучшего.

В пучину плоть повергнуть я давно решил,

И эта мысль все более влекла меня,

Но свой избрать из двух путей божественных

²⁸⁵ Задачей не из легких мне представилось.

«И там и там — изъяны и достоинства!» —

Поступкам часто эта мысль предшествует.

Я был в таком примерно состоянии,

Когда б, замыслив в странствия отправиться,

²⁹⁰ Решил не плыть по морю беспокойному,

ДОРОГА В НАЗИАНЗ

А путь полегче отыскать надеялся.
Припомнились тогда мне Илия Пророк,
Гора Кармил⁹ и пища, Небом данная¹⁰,
Пустыня — достояние Крестителя¹¹
295 И жизнь сынов Ионадава строгая¹²;
Затем опять неудержимо влек меня
Свет Духа, через книги нам ниспосланный,
Но книжные занятия — для пустыни ли?
Меж двух решений долго колебался я,
300 Покуда, усмирив свои желания,
Не принял нечто среднее, а именно:
Я знал, что к жизни деятельной склонные
Весьма полезны для людей и общества,
Но не себе, поскольку нрав у них
305 Покой теряет из-за злобы суетной;
А кто оставил мир — он и покойнее,
И к Богу обращен умом бестрепетным,
Но лишь себя лелеет в сердце замкнутом,
Жизнь строгую ведя и неприступную.
310 Я ж выбрал середину, у одних заняв
Власть над умом, а у других — служение.
На то причины были даже большие —
Мой долг сыновний и любовь к родителям.
И вот, коль скоро первую по Боге честь

9 Цар. 18, 19–46

10 Цар. 17, 1–6

11 Мф. 3, 1–4

12 Иер. 35, 6–7

- ³¹⁵ Воздать отцу и матери положено
(Ведь знание о Боге нам чрез них дано!),
Я старость их лелеял и поддерживал,
Да что там, просто за руку водил везде,
Ведь старости счастливой я и сам желал,
³²⁰ А что посеешь, то и жать приходится ¹³.
Завет первостепенный для философа —
Не делать вид, что ищешь жизнь высокую,
Но быть на самом деле другом Господа.
Да, я считал достойными почтения
³²⁵ Тех, кто от Бога принял честь великую
Руководить народом через таинства,
Но сам к уединенью все же склонен был,
Не избегая, впрочем, дел общественных.
Монашество — не место, а настрой ума.
Алтарь я также свято чтил, но издали,
³³⁰ Он слабый взор мой, словно яркий свет, слепил.
И менее всего питал надежду я
Войти в него средь жизненных превратностей;
Но человеку зарекаться стоит ли?
Мечтам благим не устоять пред завистью.
³³⁵ Пример искать не долго. Это жизнь моя.

Ср. Гал. 6–7

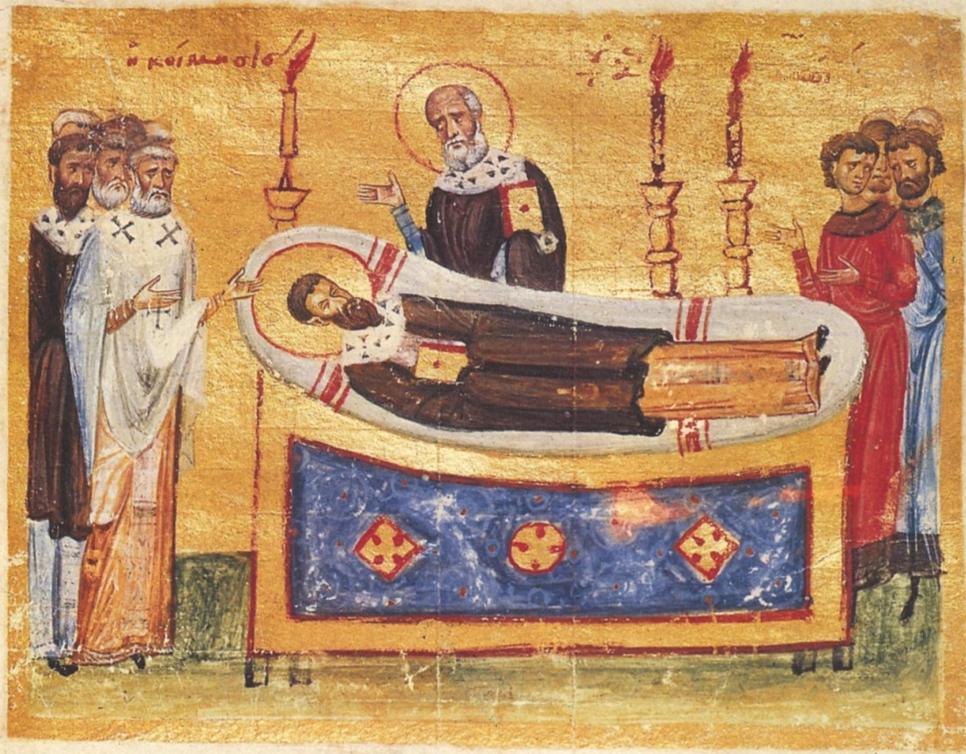
- Судьбы удар тогда-то и настиг меня...
Отец мой стремленья знал доподлинно,
И все ж — зачем, мне трудно до сих пор понять —
Любовью, видно, движимый отеческой,
³⁴⁰ Чтоб узами духовными сковать меня
(Подчас ужасен власти и любви союз!)
И дать из своего мне наилучшее,
Он силой посвятил меня в пресвитеры.
И столь меня тиранство это ранило
³⁴⁵ (Ведь не сказать иначе, пусть простит меня
Дух Божий за такие речи дерзкие),
Что я, едва узнав об этом, бросил все,
Друзей, семейство, отчий дом, родителей,
И, как корова от укусов овода,

310 Бежал, надеясь в Понте боль свою унять,
У своего святого друга; там он жил
В богообщенье и духовных подвигах,
Как древний тот мудрец, укрывшись в облаке¹⁴.
То был Василий, ныне нас оставивший,
315 И в нем я утешения души искал.
Отец же мой не уступал. Терзаемый
И старостью, и страстью зовратить меня,
Молил хоть ложе смертное его почитать;
И вот, когда утихла боль со временем,
360 Я устремляюсь в бездну (я не стою!).
Укорев возмущенных испугался я:
Любовь у душ прямых, когда разгневаны,
Ох, как легко в проклятье обращается!

Тя. Мессия
см. Иск. 19, 16-19

«Хотя для других (не без основания думают так люди благочестивые) душепагубны Афины, потому что изобилуют худым богатством – идолами, которых там больше, нежели в целой Элладе, так что трудно не увлечься за другими, которые их защищают и хвалят; однако же не было от них никакого вреда для нас, сжавших и заградивших сердце. Напротив (если нужно сказать и то, что несколько обыкновенно), живя в Афинах, мы утверждались в вере, потому что узнали обманчивость и лживость идолов, и там научились презирать демонов, где им удивляются»

τῶν ἁγίων πρὸς κλειῶν
 Γρηγορίου τοῦ Θεολογικοῦ ἐπιτά-
 φιος εἰς τὴν μέγαν βασιλέω.
 μὲν δὲ ἀρὰ πολλὴ κίμην πο-
 θάσις τῶν λόγων αἰσθητικῶν
 ὁμολογῶντες, καὶ γὰρ ἔφηρο
 πικρὰ τοῖς ἑμοῖς λόγοις ὡς
 ἠὲ ποιοῦσθε τοῦτο τῶν παρὰ τοῦ
 οὐδοῦ, ταυτέρη κίμην ποθί-
 σαι ἀποφθίμην ἡμῶν, καὶ τῶν
 τοῖς παρὰ τοῦ οὐδοῦ ἀκούσιν
 οἱ μὲν γὰρ εἰς τὴν ἐκείνην ἡμῶν
 διαμύσσωσιν αἰσθητικῶν.

ταῦτα ἡμεῖς ἐμὴν ἐκ
 κατασῶν ἀποφθίμην ποθί-
 σαμένους. καὶ ταυτέρη οὖν
 γραφίς τοῦ παρὰ τοῦ οὐδοῦ
 βασιλέως, ταυτέρη ἡμεῖς
 ἡμῶν λόγου κρείττορα.
 τῶν ἁγίων ἐλάσθηται πε-
 τῆρ. τοσοῦτον ἔργον ἡ-
 μῶν ἐκείνην. μὴ οὖν
 ἡμῶν τοῖς παρὰ τοῦ οὐδοῦ
 λόγῳ καὶ παρὰ τοῦ οὐδοῦ
 καὶ οἱ μὲν ἡμῶν ἡμῶν ἡμῶν
 τοῦτο ἀκούσιν καὶ μὴ.

«Ибо как для других наслаждение цветами ограничивается благовонием и пестротой красок, а пчелы собирают с них и мед, так и здесь, кто гоняется не за одною сладостию и приятностию сочинений, тот может из них заpastись некоторою пользою для души. Поэтому, во всем уподобляясь пчелам, должны вы изучать сии сочинения. Ибо и пчелы не на все цветы равно садятся, и с тех, на какие сядут, не все стараются унести, но, взяв, что пригодно на их дело, прочее оставляют нетронутым. И мы, если целомудренны, собрав из сих произведений, что нам свойственно и сродно истинною, остальное будем проходить мимо. И как срывая цветы с розового куста, избегаем шипов, так и в сих сочинениях, воспользовавшись полезным, будем остерегаться вредного»
Беседа 22. К юношам о том, как получать пользу из языческих сочинений

